

ДУХОВНЫЙ ОПЫТ НАЦИИ

Аннотация. *Столетие назад в исторической науке господствовал позитивизм. Его приверженцы были убеждены в том, что фрагменты исторической истины легко угадываются в конкретных источниках, в описанных фактах протекшей жизни. Но разве это не единственный путь к воссозданию летописи событий? Позитивисты не признавали иного пути, полагая, что сначала нужно набрать как можно больше фактов, освоить по возможности разные источники и лишь потом искать причинно-следственные связи, за которыми без сомнения скрываются законы исторического развития.*

Сборник избранных публикаций «Изборник 70» известного специалиста по отечественной философии, истории, культуре и отдельных персоналиям, написанных и изданных в течение последних сорока лет, — своеобразный самоотчет Михаила Николаевича Громова, связанный с его 70-летним юбилеем. Фактов, связанных с историей страны, в книге предостаточно. Но в ней нет позитивистского коллекционирования отдельных подробностей, событий, установленных дат. Но М.Н. Громов не отказывается от чести быть историком. Однако он все же философ и поэтому вопрос о методе исследования возникает в первом абзаце сборника. Автор пишет о том, что при рассмотрении русской философской мысли допустимо использовать разные методы исследования. Но сразу ограничивает это суждение. Ни один из них не может претендовать на статус единственного верного. Но взятые вместе, методы открывают перспективу создания объемного, взвешенного, адекватного о ней представления.

Ключевые слова: философия, история, ценность, искусство, язычество, православие, исихазм, творчество, культура, духовность.

Громов М.Н. Изборник 70. Тверь, 2013. 560 с. (тираж 500 экз.).

Неокантианская историческая школа исходила из культа концепции, а не факта. Бесконечное нанизывание подробностей давней истории, разумеется, является фундаментом для обобщений. Но факт сам по себе не всегда концептуален. Он обретает это свойство, когда проходит через сердце и ум исследователя, высекает новую мысль и тяготеет к построению общей картины. М.Н. Громов так и характеризует издание как серию концепций, призванных помочь пониманию того уникального феномена мировой мысли, который называется русской философией. По убеждению юбиляра, философия не только продукт чистого разума, не только итог специфических изысканий узкого круга специалистов. Она представляет собой, по словам М.Н. Громова, концентрированное выражение духовного опыта нации, ее неповторимого исторического пути, творческого гения и созидательного интеллектуального потенциала, воплотившегося в разнообразии творений культуры.

Сборник своих замечательных трудов М.Н. Громов называет изборником. Так называли на Руси сборники избранных трудов. Юбиляр не зря обращается к древнему слову, не напрасно анализирует азбуковники как памятники энциклопедической мысли. В книжном творчестве стремление сохранить для потомков накопленный опыт реализовалась путем составления многочисленных сборников, антологий, сводов, словарей, глоссариев. В изборнике-70 эта традиция во многом соблюдена. Автор собрал свои статьи по широкому кругу вопросов и придал им некоторую тематическую систематизацию.

Статьи М.Н. Громова написаны на разные темы и в разное время. Каждая из них своего рода озаменовано глубоким и ясным раскрытием темы. В ней фрагментов в том смысле, что некое рассуждение сохраняет частный смысл и не вписывается целиком в общую картину развития русской философии. Но собственно философии посвящен только первый раздел. Однако второй раздел «История» в той же мере философичен. Третий раздел «Культура» имеет дело с анализом отдельных культурных феноменов. Последний

раздел посвящен толкованию философских и художественных произведений отдельных авторов — философов, писателей, поэтов.

Опыт истории многоярусен. Исследователь может основательно проследить летопись событий, имеющих, скажем, отношение к политической стороне жизни. Но при этом окажется равнодушным к тому, что мы называем повседневностью, размеренной житейской практикой, прозой жизни. Ученый может углубиться в социальные подробности человеческого бытия. И при этом упустить из виду ту историческую правду, которая запечатлена в поэзии камня, потока музыки, сочетании красок. Масса исторических фактов не всегда превращается в картину. Но иной фрагмент культуры раскрывает тайну истории в большей степени, чем скрупулезное коллекционирование фактов и событий. Освещение факта требует озаренности, интуиции и концептуальной щедрости.

Вот что пишет по этому поводу Альфред Вебер: «В древнем переднеазиатско-египетском региона были разработаны в соответствии с его установкой основы практически технической стороны, а в его «теоретической» области только связанные с исчислением, необходимые для непосредственного господства над существованием целого процесса (астрономия, хронология, денежное исчисление и т.д.). Напротив. Античность в соответствии с ее установкой вообще как бы не «видела» техническую сторону космоса цивилизации, не проявляя к ней никакого интереса (как известно, кроме данных о сводах нет ни одного достойного внимания упоминания о технических открытиях античности; интерес античности был направлен исключительно на интеллектуальную и теоретическую область, вследствие чего в это время были основаны математика, естественные науки, философия и все остальное, именуемое сегодня «наукой»¹.

М.Н. Громов пытается обнаружить и проанализировать вечные ценности русской культуры. Он ищет черты самобытности, несхожести с другими культурами. Но при этом не утрачивает путеводную нить, которая позволяет размышлять и о всеобщей истории. В его исследованиях нет ни грана замкнутости, стремления противопоставить русскую культуру другим культурным космосам. Он пытается понять своеобычие русской культуры как ответвление мирового исторического процесса, общего развития мировой культуры.

Читать работы М.Н. Громова интересно, потому что она не ограничивается себя только письменными историческими источниками. А. Вебер, к примеру, анализируя эпоху Возрождения, подробно толкует творчество Леонардо да Винчи. Но это отнюдь не искусствоведческий анализ. На примере творчества Леонардо он раскрывает глубины многочисленных и разнообразных символов христианской и языческой античности; он способен, по словам А. Вебера, превращать эти символы и образы и зримые существа так, как исконно существующее со своими конфликтами и изломами никогда более грандиозно в истории живописи и пластики не изображались².

М.Н. Громов известен в отечественной философии именно тем, что искал истоки философской рефлексии в памятниках культуры, в ее символах. Он убежден в том, что каждый символ, как и деталь архитектуры, требует расшифровки, конкретного анализа. В символе можно вычитать глубинный смысл культуры, который не всегда получал выражение в вербальных источниках. Поэтому его интересует не только философия в ее обычных формах, но и эпистолярное наследие в духе П.Я. Чаадаева, а также эзотерическая живопись в стиле Николая Рериха.

Чтобы понять сущность российского государственного и имперского сознания, важно проследить его генезис и эволюцию от истоков до современности. Нередко исследователи трактуют историю как идеологию. Они приходят к убеждению, что нет и не может быть нейтральной, «объективной» истории. Разумеется, историк не регистратор отдельных событий. Он оценивает материал через призму собственной субъективности. Но можно ли на этом основании оспаривать фактичность исторического исследования, отвергать всякую ценность воссозданной картины как сугубо индивидуальной, пристрастной, недостоверной. Такая позиция по сути дела элиминирует профессию историка. Он оказывается в этом контексте слагателем партикулярных мифов.

Читаем: «Русская история — это непрерывное идеологическое производство»³. Любопытен такой иллюстративный пример. Один известный режиссер, перечитывая трагедию А.С. Пушкина «Борис Годунов», обратил внимание на подтекст пушкинской фразы. Пимен, завершая свою летопись, произносит такие слова: «И пыль веков от хартий отряхнув, правдивое сказанье перепишет». Пушкин, восхищается

¹ Вебер Альфред. Избранное: Кризис европейской культуры. М.; СПб, 2012. С. 19-20.

² Там же. С. 6.

³ Любимова Т.Б. История как идеология // Идеология и процессы социальной модернизации. М., 2013. С. 64.

своей интуицией режиссер, не имел в виду, что кто-то в будущем создаст копию этого кропотливого труда. Напротив, Пимен будто бы имел в виду, что будущий летописец все переиначит, исказит, перепишет заново. Интуиция сама по себе креативна. Но зачем в таком случае Пимену отдать столько сил и усердия своему детище, если он заведомо убежден в том, что от его усилий не останется и следа?

Есть в России историки, которые полагают, что принятия православия на Руси — факт далеко не безобидный и не отрадный. Авторы характеризуют утверждение, что русская история началась с приходом православия, есть идеология самого христианства. Между тем, мол, православие отрицает русскую историю, а вместе с тем не одну тысячу лет существования русского народа. Стремление включить в исторический обиход языческие традиции может быть предметом особой озабоченности отдельных исследователей. Но тогда получается, что это еще один продукт идеологического производства? Воскрешение утраченных событий истории, культ традиции — благое дело. Но почему оно должно реализоваться за счет критики православия и принижения его роли в истории русского народа? Известно, что принятие христианства превратила в одночасье Русь в наследницу величайших мировых культур, расширив ее культурно-историческое время на тысячелетие. «Переведенные на церковнославянский «Слова святого Иоанна Златоуста» воспринимались как неотъемлемый факт собственной культуры. Без него и всего компендиума святоотеческого наследия не было бы на Руси митрополита Илариона, Кирилла Туровского, всей богатейшей древнерусской книжности, из которой до нас дошли сущие крупницы. Или взять так называемое второе южнославянское влияние, отразившееся в личности святого Сергия Радонежского, творчестве Андрея Рублева и русской победе на Куликовском поле»⁴

Автор сборника стоит на тех же позициях. Он отмечает, что после христианизации Руси в эпоху раннего Средневековья международные связи древнерусской культуры расширились. Под влиянием Кирилло-Мефодиевской традиции сложилась развитая метасистема духовной культуры, охватившая южных и восточных славян на основе одной православной культуры, одной письменности, одной книжности и общих традиций. Древнерусская мудрость выступает в этот период как составная часть философской мысли всех православных славянских народов. Детализируя

эти выводы, М.Н. Громов ссылается на многочисленные источники, которые свидетельствуют о том, что сначала преобладало болгарское и сербское влияние, затем все более возрастало обратное воздействие Руси на балканские страны. Славянские православные государства находились под доминирующей культурной эманацией Византии.

М.Н. Громов отнюдь не идеализирует русскую историю. Он пишет: «Развитие русской культуры происходило в иных (по сравнению с Западной Европой — П.Г.), экстремальных условиях пограничной ситуации (в прямом и экзистенциальном смысле этого выражения). Она не могла ориентироваться на создание ухоженной, благоустроенной, бюргерской среды обитания, ибо таковая постоянно разрушалась. Следы бесконечных войн, потрясений, произвола властей, незавершенности очередной стройки или перестройки ясно видны на ее многотрадном теле. Этот неустоявшийся, развороченный, слишком пространственный физический ландшафт России продуцирует соответствующий интеллектуальный и мыслительный ландшафт, где можно встретить всё что угодно, кроме размерности, порядка, законченности начатого дела. Зато возрастает надежда на чудо, необычайный эксперимент, фантастический прожект»⁵.

В сборнике избранных статей содержатся не только исторические экскурсы, философские обобщения огромного материала. М.Н. Громов ставит вопрос и о методологии изучения древнерусской философии. Здесь в первую очередь его заботят вопросы источниковедения. Он выделяет разные группы источников, занимается атрибуцией древнерусских текстов, дает квалификационную оценку философских источников. Вместе с тем его интересуют источники абсолютно нефилософского плана, таких, как, скажем, памятники деловой письменности. Они, по убеждению автора, могут представить интерес в плане философско-лингвистического анализа. «Состав лексики, наличие терминов отвлеченного характера, логическая и смысловая упорядоченность текста, отразившиеся в языке причинно-следственные связи, даже орфография, палеографические особенности источника могут дать определенную информацию об уровне и особенности древнерусского мышления»⁶.

М.Н. Громов весьма талантливо анализирует не только философские тексты. Он обращается к произведениям искусства, в частности средневекового.

⁴ Рудалев Андрей. Симфонические личности и бездумные штампы // Литературная газета. 2013. № 25-26.

⁵ Громов М.Н. Изборник 70. М., 2013. С. 11.

⁶ Там же. С. 39.

Средневековая красота открыла новые грани прекрасного. Долго и мучительно она освобождалась от языческого прославления жизни с ее радостями и утехами. Эта вера продвигалась к постижению неведомого, незримого мира, который находится за горизонтом повседневности. Здесь рождался священный трепет перед таинством, напряжение между тем, что можно созерцать, и тем, что манит неизвестностью. Открывая человеческие черты в Боге, Средневековье, тем не менее, устремлялось к идеалам святости, недостижимости. Вот почему произведения искусства рожают новые образы красоты — манящие, мерцающие, неземные... Так автор сборника описывает притягательность средневековой живописи. Она объясняется не только изысканностью линий, мастерством композиции, гармонией образов, колоритом ярких праздничных красок. Нет, ее истинный смысл в высоком духовном содержании, глубокой философской рефлексивности, умением передавать отвлеченные идеи и образы в совершенной пластической форме.

Обращаясь к этической доминанте русской мысли, М.Н. Громов противопоставляет язычество и христианство.

Христианство все же одушевлено идеей рождения иного человека. Язычество было вообще чуждо нравственному воззрению на мир. Оно ритуально, не может поступиться обрядами... Оно, вообще говоря, ближе человеческой природе, чем христианство, которое предлагает человеку моральные запреты, духовный рост. Отсюда и ошеломляющий феномен — постоянное возобновление язычества в тончайшем слое культуры. Послушаем Владимира Соловьева: в средневековом мирозерцании и жизненном строе, разъясняет он, новое духовное начало не овладело старым языческим. И это говорится про эпоху, когда мудрецы толковали о торжестве христианского мироощущения, о слиянии человека с Богом. Неужели язычество? Христианство было принято как внешний факт, свидетельствует Соловьев. И более того, в происходящих отсюда противоречиях заключаются коренные причины упадка средневекового мирозерцания.

В книге присутствуют философско-антропологические сюжеты. Апокриф о сотворении человека, по мнению М.Н. Громова, имеет ясно выраженное антропологическое содержание. Философы подчеркивают, что ссылка на природность человека не исчерпывает его сущности. Они пытаются показать, как в естественной особи обнаруживается иное, духовное содержание и затем стремятся раскрыть, как в органическом проступает нечто надприродное. Человек в равной степени

микрокосм и макрокосм. При этом о его космической, духовной сущности говорится немало. О причастности человека к природному миру — гораздо скупее и предельно общо. Между тем с пониманием человека как микрокосма связано множество философских проблем. Здесь требуется гораздо большая детализация и анализ ряда антропологических и культурных феноменов.

Главный пафос исихазма, по мнению М.Н. Громова, в новой аксиологической установке позднего Средневековья, когда в противоборстве с Ренессансом и вместе с тем под влиянием проторенессансных и собственно ренессансных идеи происходит своеобразная реабилитация тварного, вещественного, плотского начала путем просветления, одухотворения, возвышения его Фаворским светом Божественной энергии.

Разумеется, автор юбилейного труда не мог пройти мимо двух миропониманий России, представленных славянофильством и западничеством. Здесь выражены серьезные оценки этих идейных течений. Читая этот замечательный очерк, невольно задумываешься, не следует ли пересмотреть традиционное противопоставление реформаторов и консерваторов при оценке социальной динамики? Справедливо ли полагать, что только либеральное направление мысли связано с прогрессом, с экономическим и политическим развитием? В теориях прогресса всегда существовали привычные сопоставления — демократия и либерализм против неограниченного самодержавия, социальный атомизм, индивидуализм против коллективизма и общинности, секуляризм против сакральности, эгалитаризм против социальной иерархии, массовая культура против локальной и дифференцированной культуры. Социальная практика показывает, что «надрывная модернизация» порой выступает против наращивания общественного потенциала. Консервативная позиция зачастую позволяла уберечь общество от неоправданных рывков, непродуманного парашютирования в новое цивилизационное пространство. Недаром Мишель Фуко показывал, что «беззаботность» и «пришпоривание истории» нередко проистекают из невежества, некомпетентности, безответственности человека, института, государства, масс. Реформа на самом деле не имеет ничего общего со стремительным броском в будущее. Ее неудачи способны надолго задержать плавный ход событий.

Не вполне корректна, на мой взгляд, трактовка понятия «стереотип». Изначально это понятие, как оно укрепились в социальной психологии, имеет

один смысл — «ложная картинка». Поэтому вряд ли можно связывать со стереотипом устоявшиеся, апробированные и достаточно успешно работающие схемы, модели, концепции. Принцип, согласно которому подлинное глубинное изучение философии немислимо без знания истории ее зарождения, становления и развития на всех этапах существования, никак нельзя назвать стереотипом, поскольку он не является ложным. Стереотип — это всегда искаженная картина какого-либо явления. Да, собственно, для характеристики статьи «Стереотипы в понимании источников русской философии» понятие стереотипа и не является существенным. Никак нельзя назвать упрощенной мыслью о том, что без знания исторического контекста соответствующей эпохи, биографии мыслителя, его творческой эволюции, создания определенного труда или концепции невозможно вскрыть и понять сложное содержание историко-философского феномена.

Размышления М.Н. Громова о русской философии предполагают учет уже сложившихся представлений — от неумеренного восхваления существующих и выдуманых достоинств до полного отрицания таковых. Вывод автора хорошо аргументирован: русская философия имеет, с одной стороны, признаки универсального общечеловеческого знания, к которому она тяготеет по своей родовой принадлежности. С другой стороны, у нее есть собственные индивидуальные черты, отражающие многовековой интеллектуальный опыт, особенности исторического процесса, религиозные основания культуры, богатство и пластику русского языка.

В разделе «История» немало интересных и самодостаточных сюжетов. М.Н. Громов не выступает лишь в качестве бытописателя. Он постоянно связывает исторические темы с тем, что диктует злоба дня. Он пишет: «Тяжелейшие испытания переживаемого ныне нового «Смутного времени» со всей необходимостью заставляют осмыслить истоки самого бытия нашего народа. И здесь неизбежно обращение к эпохе Древней Руси, когда были заложены основы отечественной государственности и культуры, приняты письменность и православная вера, основаны старейшие города и монастыри, освоено жизненное пространство, именуемое Россией»⁷.

Во всех своих работах М.Н. Громов выступает как рачительный хозяин, бережно относящийся к богатствам русской культуры. Он отмечает, что первоначальное архаическое наследие не должно быть от-

вергнуто. Все пласты культуры, как материальной (о чем хорошо знают археологи), так и духовной (о чем не всегда помнят культурологи) должны быть учтены без какого-либо изъятия их из национальной памяти. Между прочим, есть исследователи, которые полагают, что истребление волхвов есть только один штрих по разрушению всей древней русской культуры. Они полагают, что принятие за точку отсчета момента насильственного введения христианства есть факт «сокращения», сжатия русской истории. Он поэтому, несомненно, является информационным оружием в непрекращающейся идеологической войне.

Даже архитектурные символы выступают в работах М.Н. Громова как повод для философского размышления. Такова, по мнению Михаила Николаевича, природа каждого символа, выраженного вербальными или невербальными средствами, ибо он концентрирует в себе как все богатство содержания породившей его культуры, так и особую знаковую семантику, сохраняющую неповторимую историю его возникновения. Умение увидеть сквозь внешне очевидную эмпирическую данность внутренний сокровенный смысл реальности отличает все развитые цивилизации. Особенно утонченного состояния в рамках европейской традиции оно достигает в Средние века, а у нас — в эпоху Древней Руси.

Весьма значимы размышления М.Н. Громова о светском и духовном в высшем образовании России. Сама эта история сравнительно коротка. Но она прошла в нашей стране длительный и непростой период своего развития, что позволяет, с одной стороны, сделать некоторые выводы о его особенностях, достижениях и упущениях, ибо триста с лишним все-таки немалый срок, а отечественная история с конца XVII по начало XXI вв. вместила много новых драматических событий, резких поворотов, реформ и нововведений, а порою и восстановление утраченного. В статье М.Н. Громова увлеченно рассказано о Государственной академии Славянской культуры. В этом учебном заведении преподают видные ученые из ряда Институтов РАН и Московского университета. Издание трудов М.Н. Громова осуществлено при поддержке этой замечательной Академии. У юбилея есть все основания написать такие строчки: «Как во времена преподобного Сергия и патриарха Гермонена, наша эпоха требует соборного единения и активного сотрудничества тех здоровых сил и неравнодушных сограждан, коим дорога судьба нашего многострадального Отечества»⁸.

⁷ Там же. С. 170.

⁸ Там же. С. 228.

О крушении СССР в отечественной исторической и философской литературе написано немало. И все-таки статью «Великое крушение империй в XX столетии» читать интересно. В самом деле, это не единичное событие конца прошлого века. Этот распад завершил падение империй в Европе и мире, начавшееся со времён Первой мировой войны, когда рухнули Российская, Германская, Австро-Венгерская, Османская монархия и радикально изменилась политическая карта Европы и части Азии. Однако простая ссылка на закат империй недостаточна. Автор не ограничивается дежурными сетованиями по утрате империи. Он справедливо утверждает, что для понимания логики событий, нужно понять ситуацию не только последних двадцати, тридцати и даже пятидесяти лет, но следует хорошо представлять генезис, типологию, всю сложную историю российской государственности с момента ее возникновения. Автор без скидок анализирует политику Советского государства, указывает на ошибки и упущения. Вместе с тем не присоединяется к хору критиков советского строя.

Нынешнюю ситуацию в России М.Н. Громов оценивает как кризисную. Ценно, что он не сводит модернизацию России только с деятельностью Петра I, Александра II, реформами Столыпина. Автор отмечает, что в многовековой истории России, включая древнерусский период, были и более ранние попытки преобразования страны. Отец нашего великого реформатора царь Алексей Михайлович в отличие от своего сына, который будет жестко вестернизировать общество и народ по протестантскому североевропейскому образцу, проводил политику мягкой европеизации по католическому славянскому образцу. Испытываю чувство приятного единомыслия, когда читаю такие строчки: «Реставрация предполагает собой обновление, попытку восстановления того, что можно восстановить, того, что представляется нужным, полезным, притягательным для нас во многих отношениях: эстетическом, духовном, культурном и историческом. Потому так тянет нас на родное пепелище, к разорённым святыням, к той земле, которую надо исходить, рассмотреть, прочувствовать, приложить к ней руки, чтобы вместе восстанавливать утраченное. Другого пути у нас нет, другой земли у нас нет. Если мы не будем благоустраивать ее, никто за нас этого не сделает»⁹.

Часто реформы реализуют те социально-политические силы, которые сумели заполучить

власть в ходе общественных пертурбаций. При этом преобразуются институты общества, социально-экономические или политические отношения, структурно-функциональные связи. Получается, что эволюционные реформы используют те же самые механизмы, которые сопровождали революционные перевороты. При этом рушатся традиции, рвется социальная ткань. Появляются неожиданные последствия скороспелых преобразований, которые носят стойкий и нередко деструктивный характер. Реформа становится синонимом любых значительных трансформаций, которые убыстряют ход истории. Используются и другие понятия, которые выражают смысл реформирования — «модернизация», «мобилизационные процессы».

Лихорадочный гон преобразования нередко в истории оборачивался не только утратами, но и тормозил общественную динамику. Русские консерваторы настаивали на проблеме национальной идентичности. Взгляды государственников на ценностные основания этой самоидентичности имели четкую практическую направленность — сохранить существующий в стране правопорядок. Ведь культура зиждется на конкретном религиозно-философском фундаменте, отражая ту или иную интерпретацию смысла и путей истории, места человека в ней.

Мы приступаем к чтению раздела «Культура». Здесь автор непосредственно касается темы язычества на Руси. Да, самобытная история Руси насчитывает немало тысячелетий. Сейчас появляются исторические труды, посвященные доправославной истории славян¹⁰. Нет необходимости делать вычерки из собственной истории. Однако, отмечает М.Н. Громов, духовная культура языческой Руси находилась в менее развитом состоянии в сравнении с народами, уже принявшими христианство, особенно в сопоставлении с Византией — основным цивилизационным центром тогдашнего европейского мира, связанного с восточно-средиземноморской ойкуменой. Поэтому начинается постепенное приобщение к византийской культуре, что и приносит определенные положительные результаты.

«Притягательный» — замечательное слово. Оно частотно в научном словаре М.Н. Громова. Так он через это прилагательное оценивает образ Софии Премудрости Божией. Ни в какой другой культуре он не представлен так широко и разнообразно. При этом он восхищает своим эстетическим совершенством. В каких бы воплощениях он

⁹ Там же. С. 250.

¹⁰ См.: Гусева Н.Р. Русские сквозь тысячелетия. М., 2007; Она же. Арии и древнеарийские традиции. М., 2010.

ни являлся — храма, иконы, литературного образа, философы, — он неизменно сияет мерцающим отблеском высшей духовной красоты.

В советские годы много писали о монастырях как очагах догматики и обскурантизма. Это вопиющая ложь. Монастыри не только играли важную роль в христианской жизни, особенно в православной и католической. Но они также были очагами культуры, средоточием духовной, интеллектуальной, художественной деятельности. Именно здесь вырабатывались богословские, философские, нравственные, эстетические идеи. Шел процесс наглядного, практического, наставнического обучения всем видам творчества. Однако рассказывая о монастыре, М.Н. Громов не переступает границы собственной философской миссии. Именно в очерке о монастырях он вспоминает о том, что Кант видел в философии антиномичность. Она устремляется в сферу духовного, испытует необъятное, пытается припасть к сокровенным тайнам бытия, которые невозможно выразить в конечных определениях рассудка по причине их беспредельности, но можно обозначить как вечно открытые философские вопросы-символы, на которые можно давать сколько угодно ответов, не исчерпывая их.

По словам М.Н. Громова, древнерусский монастырь предстает твердыней духа. Таков образ многих древнерусских городов, монастырей, крепостей, что придает им удивительный, праздничный, иконописный вид. Неудивительно, что подобные ансамбли так притягивают к себе, восхищают красотой, возвышают духовностью, заставляют задуматься над непреходящими ценностями, вспомнить былое и оценить его.

Запад и Восток оказали немалое влияние на отечественную культуру. Но М.Н. Громов напоминает о значении южного цивилизационного вектора, который был важнейшим на раннем этапе нашей истории. Не прекращается его воздействие и сегодня, что важно учитывать в рамках концепции многовекторности и многофакторности цивилизационного развития.

Ряд статей в сборнике посвящен персоналиям. М.Н. Громов пишет: «Мудрость представлялась в древности и в Средние века не как обезличенное нагромождение идей. Она казалась прекрасной своим совершенством, она восхищала своей возвышенностью, привлекала эстетическим блеском — ее можно было и полюбить, как это сделал св. Кирилл»¹¹. Эти слова из очерка, посвященного великому деятелю славянской культуры св. Кон-

стантину-Кириллу Философу (827-869). Ему принадлежит одно из наиболее ранних в христианской и первое в славянской литературе определение философии. Напомним из предыдущего изложения, что в восточнохристианском мире кроме аналитического определения философии существовало и образно-поэтическое представление о высшей мудрости и образе Софии Премудрости Божией, возникшее как синтез античных, библейских и гностических представлений.

Особо хотелось бы выделить статью под названием «Философско-антропологические воззрения Максима Грека». В ней анализируются взгляды этого мыслителя на проблему человека, его происхождения, места в природе и социуме и ряд иных вопросов, с ней связанных, являются одними из основных в философии и культуре.

Сложный мир человеческой души отражен в полисемантической образов, которые использует Максим Грек, выражая неизмеримую ее глубину. В его творчестве можно выделить успешно им применяемые научный, художественный и символический методы познания и выражения идей. Символизация, весьма присущая средневековому сознанию, выступает, по словам М.Н. Громова, как своеобразный заменитель научно-теоретического мышления, ею широко пользуются для глубокомысленной интерпретации эмпирических фактов.

Энциклопедичен очерк о М.В. Ломоносове. Автор этой статьи описывает не только жизнь великого ученого, не только его научные открытия. Он воссоздает социальный фон, образ жизни того времени. И что, пожалуй, наиболее ценно. М.Н. Громов не стремится к идеализации ученого, к тому, чтобы «нарисовать» его неизменную правоту по всем вопросам. Так, в частности, он отмечает, что Г.Ф. Миллер выглядит в полемике более убедительно, чем М.В. Ломоносов. И даже поясняет эту позицию: пылкий патриотизм Ломоносова не может заменить объективных фактов, требующих аутентичной интерпретации. Не следует без нужды тешить национальное самолюбие — таков смысл этих размышлений М.Н. Громова.

Казалось бы, трудно сообщить читателю что-то новое, когда речь идет о А.И. Герцене или Л.Н. Толстом. Но вот читаем: «Чем же нам интересен и ценен Герцен сейчас, спустя полтора века после его кипучей деятельности? Менее всего своими социалистическими и революционными идеями, которые принесли ему, и России большое разочарование. Но более — драмой своей жизни, поиском справедливости, талантливым отражением эпохи, яркими произведениями, особенно эпосей «Былое и думы».

¹¹ Громов М.Н. Изборник 70. М., 2013. С. 393.

Вот за былое, что пережито, и думы, которые оно породило, мы благодарны одному из лучших представителей думающей России XIX столетия, подлинному колоколу русской мысли своего времени»¹². О Л.Н. Толстом автор пишет, взглядываясь в сохранившиеся фотографии, кинодокументы, живописные полотна. Оказывается, все это может не только пробудить мысль, но и прийти к неожиданным выводам относительно личности великого писателя.

Поэзия Максимилиана Волошина метафизична. Об этом писал Э.Ю. Соловьев в очерке «Благослови мой синий окоем»¹³. М.Н. Громов выбирает иной аспект для анализа творчества поэта. Здесь преобладают историософские сюжеты. М. Волошин в своем размышлении о судьбах России приближается к пониманию максимализма и гипертрофированной веры в великие идеи нашего народа, столь удивляющие рациональный и прагматичный западный ум. М.Н. Громов пишет: Являясь ярким, уникальным, неповторимым, многообразное творчество Максимилиана Волошина прекрасно

вписывается в отечественную философскую традицию, где напряженно работающая мысль реализует себя чаще в эстетических образах, нравственном сопереживании, высокой духовности, эмоциональной артикуляции, нежели логически безупречном, но отстранённом от человека рассудочном мышлении дискурсивного типа»¹⁴.

Оценивая сборник в целом, стоит сказать, что М.Н. Громов является влиятельной и крупной фигурой в истории русской философии. Любой его очерк или отрывок, прежде всего, показывают, что мы имеем дело со специалистом. Искушенность в деталях, осведомленность в самом процессе развития русской философии, строгость в облюбованной позиции и готовность к ее обоснованию, — вот что характеризует личность М.Н. Громова. Рецензируемая книга, хотя и составлена из работ разного времени, тем не менее монографична. Речь идет о сложном и трудно пути русской философии, которая освещала духовную историю России.

А про автора что же? Долгие лета...

Список литературы:

1. Вебер А. Избранное: Кризис европейской культуры. М.; СПб, 2012.
2. Громов М.Н. Изборник 70. М., 2013.
3. Гусева Н.Р. Арии и древнеарийские традиции. М., 2010.
4. Гусева Н.Р. Русские сквозь тысячелетия. М., 2007
5. Любимова Т.Б. История как идеология // Идеология и процессы социальной модернизации. М., 2013.
6. Рудалев А. Симфонические личности и бездумные штампы // Литературная газета. 2013. № 25-26.
7. Соловьев Э.Ю. Благослови мой синий окоём (космоперсонализм и историософская ирония М. Волошина) // Эдип. 2008. № 1.

References (transliteration):

1. Veber A. Izbrannoe: Krizis evropeyskoy kul'tury. M.; SPb, 2012.
2. Gromov M.N. Izbornik 70. M., 2013.
3. Guseva N.R. Arii i drevneariyskie tradicii. M., 2010.
4. Guseva N.R. Russkie skvoz' tysyacheletiya. M., 2007
5. Lyubimova T.B. Istoriya kak ideologiya // Ideologiya i processy social'noy modernizacii. M., 2013.
6. Rudalev A. Simfonicheskie lichnosti i bezdumnye shtampy // Literaturnaya gazeta. 2013. № 25-26.
7. Solov'ev E.Yu. Blagoslovi moy siniy okoem (kosmopersonalizm i istoriosofskaya ironiya M. Voloshina) // Edip. 2008. № 1.

¹² Там же. С. 449.

¹³ Соловьев Э.Ю. Благослови мой синий окоём (космоперсонализм и историософская ирония М. Волошина) // Эдип. 2008. № 1.

¹⁴ Громов М.Н. Изборник 70. М., 2013. С. 464.